

ТРАДИЦИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ КЛАССИКИ

УДК 821.161.1 Русская литература

ВЛИЯНИЕ РАССКАЗА В. Я. БРЮСОВА «В ЗЕРКАЛЕ» НА ПОВЕСТЬ А. В. ЧАЯНОВА «ВЕНЕЦИАНСКОЕ ЗЕРКАЛО, ИЛИ ДИКОВИННЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ СТЕКЛЯННОГО ЧЕЛОВЕКА»¹

THE INFLUENCE OF THE STORY “IN THE MIRROR” BY V. Y. BRYSOV ON A. V. CHAYANOV’S NOVEL “VENETIAN MIRROR OR BIZARRE ADVENTURES OF A GLASS MAN”

**Наталья Владимировна Михаленко
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН,
Москва, Россия**

**Natalia Vladimirovna Mikhailenko
A. M. Gorky Institute of World Literature, Moscow, Russia**

Аннотация

Модернистское творчество В. Я. Брюсова оказало сильное влияние на литературные произведения А. В. Чаянова. Брюсов в письме Чаянову дал краткую рецензию на его поэтический сборник «Лёлина книжка» (1912), в которой назвал первые опыты юного экономиста «бойкими» и «милыми шутками». В «Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920) Чаянова и «Горе звезды» (1895) Брюсова воплотились близкие герои и образы, создано утопическое общество авгуров духа, сильны пророческие мотивы. Тема двойничества, развитая в стихах и рассказах Брюсова, отразилась и в повести Чаянова «Венецианское зеркало...» (1922), сюжетно и текстуально близкой новелле Брюсова «В зеркале» (1902–1906). Но если герой Чаянова проходит своеобразную

---

¹ Статья подготовлена в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН при поддержке РФФИ. Проект № 16–04–50064 «А. В. Чаянов — писатель. Научная биография».

трансформацию, то у Брюсова скорее описана психиатрическая патология.

Ключевые слова: А. В. Чаянов, В. Я. Брюсов, рассказ «В зеркале» В. Я. Брюсова, «Венецианское зеркало, или Диковинные похождения стеклянного человека» А. В. Чаянова.

Abstract

The modernist works of V. Y. Bryusov had a strong influence on the literary works of A. V. Chayanov. In his letter to Chayanov Bryusov gave a brief review of his poetry collection *Lyolya's book* (1912) in which he called the first experiments of the young economist “brisk” and “cute jokes”. In the “Journey of my Brother Alexei to the Peasant Utopia Country” (1920) by Chayanov and the “Star Sorrow” (1895) by Bryusov similar characters and images are portrayed creating a utopian society of augurs of the spirit and bringing out strong promethean motives. The theme of duality developed in Bryusov’s poems and stories was also reflected in Chayanov’s novel “Venetian mirror...” (1922) which textually and by its plot is close to the story “In the mirror” (1902–1906) by Bryusov. But while Chayanov’s character experiences a kind of transformation, Bryusov rather described a psychopathology.

Key words: A. V. Chayanov, V. Y. Bryusov, story “In the mirror” by V. Y. Bryusov, “Venetian mirror or bizarre adventures of a glass man” by A. V. Chayanov.

Зеркало как возможность раскрыть что-то в себе, увидеть тайное, спрятанное от обычного взора, мир зазеркалья волновали поэтов и писателей конца XIX — начала XX в. Мотив зеркальности, двойничества, пограничья зеркала проявился в Третьей «симфонии» А. Белого, стихотворениях К. Д. Бальмонта «Старый дом», Вяч. Иванова «Зеркало», «Зеркало отчаяния», новелле В. Я. Брюсова «В зеркале» и сборнике «Зеркало теней», повести З. Н. Гиппиус «Зеркала», книге С. И. Кирсанова «Зеркала. Стихи» и др. И это не случайно, поскольку зеркало способно «<...> определять, различать, сталкивать в поединке духовное и телесное, идеальное и материальное, а также добродетельное и порочное, доброе и злое, разумное и нелепое» [Вулис: 5]. В переломное, кризисное время писатели, стремясь заглянуть за грани, доступные рациональному мышлению, исследовали теневое, непознанное, искали ответы на вопросы о том,

что подвластно человеческой воле. Исследованию этих вопросов посвящены работы М. М. Бахтина, Ю. И. Левина, Ю. М. Лотмана, З. Г. Минц, Г. В. Обатнина, Б. А. Успенского, А. З. Вулиса, Е. К. Созиной, Ю. Ю. Зайцевой и др.

Тема двойничества, потусторонней власти над душой человека сильна и в творчестве А. В. Чаянова. В каждой из своих мистических повестей он исследовал границы свободной воли человека, возможности оказать на него влияние, соотношение «живой человек — его проекция». В «Истории парикмахерской куклы...» архитектор М. влюбляется в восковую копию одной из сестер сиамских близнецов Генрихсон, в «Юлии, или Встречах под Новодевичьим» главный герой стремится освободить таинственную девушку, как потом выясняется, дымный фантом, из-под власти старика-карлика, в «Венедиктове, или Достопамятных событиях жизни моей» решается проблема власти над человеком, управления его волей посредством inferнальных треугольников душ, в «Необычайных, но истинных приключениях графа Федора Михайловича Бутурлина» жизнью главного героя управляет таинственный расклад карт старика Брюса, умершего сподвижника Петра I.

В начале 1912 г., выпустив сборник стихотворений «Лёлина книжка» [Чаянов 2006б], посвященный Е. В. Григорьевой, его первой жене, Чаянов отправил эту книгу В. Я. Брюсову. На что прославленный поэт ответил: «Ваши стихи написаны очень бойко — вот все, что я могу о них сказать. Большого значения этим милым штукам Вы, вероятно, не придаете и сами. Есть у Вас интересные рифмы, но “стебля” и “меня” я рифмовать Вам не советую» [Муравьев: 283]. Как писал В. Б. Муравьев, «“Лёлина книжка” — характерный пример поэтических сборников начала XX в., это очень цельный дневник личных переживаний — любовная лирика, стихи “на случай”, так называемая “домашняя поэзия”, написанная для круга друзей» [Муравьев: 282]. После этого сборника Чаянов уже не выпускал поэтических книг, свое творчество он продолжил «Путешествием моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» и циклом мистических повестей в гофмановской стилистике. Вопрос влияния творчества Брюсова на произведения Чаянова ранее не был исследован в литературоведении. В. Б. Муравьев в очерке жизни и творчества известного экономиста отмечал только, что в текстах Чаянова воспроизводятся общие для литературного про-

цесса конца XIX — начала XX в. темы, мотивы, образы, стилистические решения [Муравьев]. Тематико-мотивному влиянию новеллы «Венецианское зеркало» П. П. Муратова на одноименную повесть Чайнова посвящена статья Н. В. Михаленко «Влияние личности и творчества П. П. Муратова на художественные произведения А. В. Чайнова» [Михаленко].

Целью настоящей статьи является подробный сопоставительный тематический, образный и текстуальный анализ повести А. В. Чайнова «Венецианское зеркало...» (1922) и рассказа В. Я. Брюсова «В зеркале», который будет подтвержден данными биографии Чайнова, что даст возможность считать рассказ 1902–1906 гг. одним из источников повести ученого-экономиста.

Вероятно, творчество Брюсова было очень значимо для Чайнова, ведь именно ему он отправил свою первую книгу. Выбор утопического жанра в «Путешествии моего брата Алексея...» Чайнова обусловлен как общей востребованностью утопии в конце XIX — начале XX в., так, возможно, и фантастическими текстами Брюсова «Гора Звезды», «Республика Южного Креста», где сильны пророческие мотивы, получившие развитие и в произведении ученого-экономиста. Место действия пьесы «Обманщики» Чайнова — Древний Рим, как и в романе Брюсова «Алтарь Победы». Можно предположить, что одним из поводов для создания повести «Венецианское зеркало...» Чайнова, в которой можно выделить аллюзии к мистике Э. Т. А. Гофмана и русской романтической повести XIX в., стал рассказ Брюсова «В зеркале».

Образ зеркала часто встречается в лирике Брюсова. В своих стихах он исследует феномен зеркала как своеобразного двойного мира, анализирует подсознательные мотивы действий человека, которые раскрываются при взаимодействии со своим отражением (см. сборник «Зеркало теней», стихи «Я имени тебе не знаю...», «Я помню свет неверно-белый...» и др.).

Произведения Чайнова и Брюсова близки сюжетно, мотивно и образно. Героев их текстов завораживает зеркальная глубина, причем собственное отражение становится для них персонифицированным, отделенным. Отношение к двойнику — отношение к своей тени, тому, что человек вытесняет в область подсознательного, то, чего он боится, не принимает или ненавидит. Как отмечал Дж. Фрэйзер, «одни народы верят, что душа человека

пребывает в его тени, другие считают, что она пребывает в его отражении в воде или в зеркале» [Фрэзер: 219, 220]. То есть отражение как бы способно создать самостоятельный образ, что связано с его сакрально-символическим значением и обусловлено мифологическими представлениями о магии отражения.

Героиня Брюсова с детства любила заглядывать в «прозрачно-правдивую глубину» зеркал: «Моей любимой игрой в детстве — было ходить по комнатам или по саду, неся перед собой зеркало, глядя в его пропасть, каждым шагом переступая край, задыхаясь от ужаса и головокружения» [Брюсов: 13]. Возможность попасть в иной мир, приоткрыть его завесу завораживает героиню: «Я привыкла целые часы, целые дни проводить среди перекрещивающихся миров; входящих один в другой, колеблющихся, исчезающих и возникающих вновь. Эта вывернутая действительность, отделенная от нас гладкой поверхностью стекла, почему-то недоступная осязанию, влекла меня к себе, притягивала, как бездна, как тайна» [Брюсов: 13]. Возможно, зеркало здесь «<...> выступает стимулятором и фиксатором душевного разлада, смятения, кризиса, чреватого явным раздвоением личности» [Вулис: 35].

Зеркало в рассказе Брюсова — уникальный артефакт, который способен создавать свой собственный мир: «То было большое, качающееся на винтах, трюмо. Оно меня поразило необычайной ясностью изображений. Призрачная действительность в нем изменялась при малейшем наклоне стекла, но была самостоятельна и жизненна до предела» [Брюсов: 15].

Героиня Брюсова живет с осознанием, что в каждом из зеркал существуют различные ее двойники: «Я знала, что все они мне враждебны, уже за одно то, что принуждены облекаться в мой, ненавистный им образ» [Брюсов: 14]. Ощущение такой враждебности — знак расщепления сознания героини, возможность для появления двойника, который обладает «<...> такой степенью идентичности, точности повторения, позволяющей говорить о принципе зеркальности, что в определенный момент двойник становится антагонистом, *со*-поставление перерастает в *противо*-поставление» [Титова: 955–956].

С самого начала рассказа чувствуется, что расщепление в личности героини настолько полное, что не позволяет ей признать некие негативные эмоции, направленные на свою собственную личность. Она живет в постоянной борьбе с самой собой, кото-

рая и очаровывает ее. Любимое ее времяпрепровождение — испытание силы зеркального двойника, надежда разгадать свою же тайну, борьба с чем-то сильно подавленным: «<...> каждая из нас старалась завладеть волей соперницы, сломить ее сопротивление, заставить ее подчиняться своим хотениям. И страшно было бы со стороны увидеть двух женщин, неподвижно сидящих друг против друга, связанных магическим влиянием взора, почти теряющих сознание от психического напряжения...» [Брюсов: 16].

Если в начале рассказа героиня еще осознает, что имеет дело с подвластным ей зеркальным отражением, то после приобретения старинного зеркала в ее собственном представлении она ведет борьбу с реальной женщиной из другого мира. У нее появляется идея, что двойник — это авантюристка, которая «<...> нарочно вторглась в мой дом, чтобы погубить меня и занять в нашем мире мое место» [Брюсов: 16]. Брюсов подробно описывает, как процесс борьбы внутри героини захватывает ее все больше и больше, принимая психиатрические формы. Интересно, что на всем протяжении рассказа властью обладает тот, кто находится в зеркальном мире: «Скоро уже не было сомнений, что моя соперница торжествует. С каждой встречей все больше и больше власти надо мной сосредоточивалось в ее взгляде. Понемногу я утратила возможность за день не подойти ни разу к моему зеркалу. <...> Она управляла моей волей, как магнетизер волей сомнамбулы. Она распоряжалась моей жизнью, как госпожа жизнью рабы. Время плыло, и я уплывала с ним в бесконечность, в черный простор бессилия и безволия» [Брюсов: 16–17]. Переход в зеркальный мир происходит помимо воли героини, но она чувствует радость от того, что недостижимый для нее ранее мир впускает ее.

Отражение в рассказе Брюсова начинает действовать самостоятельно, подавляя живого человека: «Вдруг она, та, отраженная, — встала с кресла. Я вся задрожала от оскорбления. Но что-то непобедимое, что-то принуждавшее меня извне заставило встать и меня. Женщина в зеркале сделала шаг вперед. Я тоже. <...> Смотря все прямо на меня гипнотизирующими и повелительными глазами, она все подвигалась вперед, а я шла ей навстречу» [Брюсов: 17–18]. Возможность совершить переход, оказаться в ином мире настолько значима для героини Брюсова, что она не противится власти отражения, уже не различая ее волю и свою: «И странно: при всем ужасе моего положения, при всей

моей ненависти к моей сопернице, где-то в глубине моей души трепетало жуткое утешение, затаенная радость — войти, наконец, в этот таинственный мир, в который я всматривалась с детства и который до сих пор оставался недоступным для меня. Мгновениями я почти не знала, кто кого влечет к себе: она меня, или я ее, она ли жаждет моего места, или я задумала ей эту борьбу, чтобы заместить ее» [Брюсов: 17–18].

Переход из одного мира в другой доставляет героине невероятные страдания, но в то же время — это момент единства ее и зеркального отражения, что невыносимо: «Мои руки погрузились в зеркало, словно в огненно-студеную воду. Холод стекла проник в мое тело с ужасающей болью, словно все атомы моего существа переменяли свое взаимоотношение. Еще через мгновение я лицом коснулась лица моей соперницы, видела ее глаза перед самыми моими глазами, слилась с ней в чудовищном поцелуе. Все исчезло в мучительном страдании, несравнимом ни с чем, — и, очнувшись из этого обморока, я уже увидела перед собой свой будуар, на который смотрела из зеркала» [Брюсов: 18]. Момент торжества зеркального отражения знаменуется его хохотом, радостью, усиливающейся от подчинения человека: «Моя соперница стояла передо мной и хохотала. А я — о жестокость! — я, которая умирала от муки и унижения, я должна была смеяться тоже, повторяя все ее гримасы, торжествующим и радостным смехом» [Брюсов: 18].

Похожий сюжет, позволяющий говорить о влиянии темы противостояния зеркальному отражению у Брюсова на тексты Чайанова, развивается в его повести «Венецианское зеркало, или Диковинные похождения стеклянного человека». Герой Чайанова, путешествуя по Венеции, стремится найти для своего язуского особняка деталь, «<...> которая своею остротой и пряной силой превосходила бы многократно все остальные слагающие <...>» [Чаянов 2006а: 115] и способна была объединить в убранстве его дома «<...> предметы художественного творчества пяти веков, схваченные острой гаммой экспрессионизма <...>»: «Попытка использовать для этой цели деревянного негритянского идола с бенадирского берега оказалась столь же бесплодной, как и первоначальный замысел построить всю композицию обстановки на маленькой Венере старшего Пальмы» [Чаянов 2006а: 115]. Он пытается организовать композицию убранства дома «<...> на бездонных провалах противопоставленных зеркал

<...>» [Чаянов 2006а: 127]. Интересно, что желание создать идеальный образ дома связан для Алексея и с желанием устроить жизнь «<...> с его обитательницей, чьи рыжие пряди волос обещали дать последний синтез его мятежной, сложной и в общем тяжелой жизни» [Чаянов 2006а: 115]. Алексей все время ищет гармонию вне собственной личности: с помощью другого человека, внешней детали (зеркало) стремится спрятаться от чего-то, тщательно скрываемого даже от самого себя, что будет раскрыто в его схватке с противником.

Интересно, что герои обоих писателей сразу отмечают, что чувствуют над собой власть зеркального двойника. Когда Алексей видит свое отражение в старинном зеркале, покрытом «паутиной и слоями пыли», он ощущает странное оцепенение, точно его волю подавляют: «Алексей остановился... Он чувствовал все свои движения связанными, и какая-то власть змеиного взгляда приковывала его к находящемуся во мраке. <...> в колыхнувшемся свете Бамбачева фонаря в него впились два исступленные глаза. С этой минуты острота сознания погасла для Алексея» [Чаянов 2006а: 116]. Зеркало как будто начинает управлять его жизнью — «<...> все преобразилось в маленьком домике, и чудилось, будто невидимые струи стеклянной жидкости заливают собою комнаты и растворяют все окружающие предметы, делая их призрачными. Зеркальная поверхность, казалось, излучала из себя тонкую, отстоянную веками отраву, и она постепенно насыщала собою воздух, мебель, картины, цветы, стены...» [Чаянов 2006а: 118–119]. Зеркало изменяет и самого героя, заставляя проявляться потаенному, скрываемому, подавляемому: «Под наваждением странного зеркала Алексей чувствовал и себя каким-то другим. Все те элементы его сущности, которые он научился с годами подавлять, с неожиданной бурностью и силой проявились вновь. Чувствуя в своих объятьях трепещущее, жаждающее тело своей подруги, Алексей в порыве страстного чувства прижал ее к своей груди и хотел поцеловать ее алчущие губы. Смутно помнил, как Кэт спрятала свое лицо за его плечо и, выскользнув из его объятий, скрылась» [Чаянов 2006а: 119].

Герой как бы сталкивается с Тенью, по Юнгу¹, которую стремится не признавать в себе. Происходит своеобразное разделе-

¹ И. В. Герасимов анализировал повести Чаянова, исходя из концепции К. Г. Юнга (см. об этом: [Герасимов]).

ние — герой «чувствует грубость своей страсти», она «странно нравится» ему и «радует» его, но он не готов признать ее частью своей сущности. Вероятно, поэтому происходит расщепление — он меняется местами со своим отражением. Причем архетипическое попадание в зазеркалье происходит под властью двойника, человек не может ему противиться: «Какая-то страшная сила тянула все ближе и ближе к пожелтевшей поверхности тусклого стекла. Вдруг он вздрогнул, с ног до головы покрылся холодным потом и <...> увидел перед собою два устремленных на него испуганных, совершенно чужих, глаза. В то же мгновение почувствовал резкий толчок. Его зеркальный двойник схватил его правую руку и с силой рванул внутрь зеркальной поверхности, заволновавшейся кругами, как волнуется поверхность ртути. На одно мгновение их тела слились в борьбе, и затем Алексей увидел, как его отражение выскочило, заплясало, высоко подпрыгивая, посередине комнаты, а он должен был вторить ему в постепенно утихающем зеркальном пространстве» [Чаянов 2006а: 119–120]. Описание победы и злорадства двойника у Брюсова и Чаянова очень схоже.

Мир зазеркалья у этих писателей также имеет близкие черты. Героев угнетает бедность жизни отражения, слабость, подвластность действиям человека, «полубытие», схожее с «жизнью мертвых», соседство существ, которые могут воплотиться только как чей-то облик. Характерно беззвучие отраженного мира.

Брюсов	Чаянов
<p>«Странная, полусознательная, хотя тайносластная жизнь. Нас было много в этом зеркале, темных душ, дремлющих сознаний. Мы не могли говорить одна с другой, но чувствовали близость, любили друг друга. <i>Мы ничего не видели, слышали смутно, и наше бытие было подобно изнеможению от невозможности дышать. Только когда существо из мира людей подходило к зеркалу, мы, внезапно восприняв его облик, могли взглянуть в мир, различить голоса, вздохнуть всей грудью. Я думаю, что такова</i></p>	<p>«Потянулись дни. Тяжелые свинцовые дни Алексея зеркального бытия. Впоследствии он не мог вспомнить без содрогания и ужаса тот призрачный безмолвный эфир, в котором плавали бледные существа, иногда повторяющие движения своих земных оригиналов, и еще более страшное полубытие в те минуты, когда ни одна зеркальная поверхность не ловила черты движений того, кому стеклянные существа были двойниками» [Чаянов 2006а: 120].</p>

жизнь мертвых — неясное сознание своего “я”, смутная память о прошлом и томительная жажда хотя бы на миг воплотиться вновь, увидеть, услышать, сказать...» [Брюсов: 18–19] (здесь и далее курсив мой. — Н. М.)

«К ужасу своему, Алексей заметил однажды изменение своего собственного сознания, и ему стало казаться, что окружающий его стеклянный эфир начал просачиваться сквозь поры его тела и костные покровы черепа и растворял в стеклянном небытии его человеческую сущность. Совершая по воле своего дьявольского двойника какую-то неистовую жестикуляцию, он ощутил, до ужаса отчетливо, что неведомая ему моральная плотина начала размываться и скоро стеклянные волны поглотят и растворят его душу» [Чаянов 2006а: 120].

Следующий этап развития сюжета в этих текстах — борьба с зеркальным двойником за право вернуться в реальный мир. Причем само поведение двойника, вышедшего за грань зеркала, каждый раз показывает, доводя до гротеска, что человек прячет от самого себя, не выводит на сознательный уровень неких представлений о самом себе. Ситуация возможной независимости двойника «<...> обуславливает ситуацию борьбы, незавершенность — стремление поглотить оригинал, как бы слиться с ним. Если выразиться точнее, желание слиться со своим оригиналом, проистекающее от некоей брешы — пустоты, скрывающейся в самом эпицентре двойнической сущности (как раз там, где должна была бы находиться фигура оригинала, по своему образу и подобию формирующая эту самую сущность)» [Титова: 956].

Героиня Брюсова испытывает двойные чувства. С одной стороны, она стремится освободиться от власти «авантюристки», с другой — ощущает удовольствие от существования в ином мире: «Мне было сладостно нежиться порой в небытии. Мне было сладостно упиваться возможностью» [Брюсов: 21]. Ей нравится продолжать бороться со своим отражением, только угроза смерти заставляет ее выйти из зеркала, подчинив себе свой двойник: «Я сосредоточивала все силы своего внушения на зове, устремленном к ней, к моей сопернице: “Приди сюда!” Я гипнотизировала, магнетизировала ее всем напряже-

нием своей полусонной воли. Я схватила в свои глаза ее глаза, связала свой взор с ее взором и после этого уже знала, что победа за мной» [Брюсов: 21]. Однако после освобождения от власти зеркального призрака героиня не обретает целостности, расщепление достигает предела — она сомневается, не стала ли она отражением самой себя: «Кроме того, — сказать ли? — у меня есть одно дело, которое мне необходимо совершить как можно скорее. Я не должна сомневаться, что я это — я. И все же, когда я начинаю думать о той, заточенной в моем зеркале, меня начинает охватывать странное колебание: а что, если подлинная я — там? Тогда я сама, я, думающая это, я, которая пишу это, я — тень, я — призрак, я — отражение» [Брюсов: 22–23]. Болезнь достигает своего апогея.

В «Венецианском зеркале...» Чайнова Алексей может освободиться от власти стеклянного двойника только в момент, когда жизни Кэт угрожает опасность: «Алексей увидел, как стеклянный человек поймал за волосы его подругу, притянул к себе, поднял и бросил в бешенстве на пол, снова готовый кинуться на свою жертву. <...> Всем напряжением оставшейся у него воли он бросился к свившимся в неистовой борьбе телам... В звоне разбитого стекла почувствовал себя упавшим на пол земной комнаты в обломках венецианского зеркала» [Чаянов 2006а: 124]. У героя Чайнова есть острая необходимость спасти свою подругу от власти двойника, что способствует сохранению целостности его личности: «Ощущение дикой безысходности и предельного отчаяния наполнило его душу, тем более что перед его глазами проходили ужасные картины гибели его земной подруги» [Чаянов 2006а: 124]. После освобождения Алексея стеклянный двойник продолжает жить в реальном мире, совершает убийство, что создает у героя ощущение подвластности своему отражению, власти над ним рока: «Он ощущал, что только тонкая перепонка стен и занавесей отделяет его от всепоглощающего стеклянного ужаса, а сами стены дома постепенно растворяются в зеркальном эфире, как растворяется сахар в стакане горячего чая» [Чаянов 2006а: 129]. Конфликт разрешается как продолжение борьбы в зеркальном пространстве героя и его тени. Алексей, преследуя своего противника, вынужден опять оказаться в зеркальном мире, но уже по своей воле, чтобы подчинить свое отражение: «Нечеловеческим напряжением воли в последний момент у самого края бездны Алек-

сей почти с колен прыгнул через ртутную поверхность прямо на спину склонившегося стеклянного человека. Не ожидавший нападения, он оступился и рухнул вниз всей тяжестью своего тела, увлекая с собой Алексея. В неистовой борьбе они слились в клубок и медленно скользили под сверкающую поверхность разжиженного металла. <...> Стеклянный человек стих, но руки Алексея продолжали его душить, испытывая странное ощущение, будто его жертва набухает, превращается в кисель и расплзается. <...> И в тот миг, когда его пальцы сомкнулись, потеряв остатки растворившегося в ртути стеклянного существа, он увидел вновь свое полное и подвластное ему отражение» [Чаянов 2006а: 136]. Идеальное «я» Алексея было разрушено, он увидел воплощенным в образе стеклянного двойника то начало, тяготеющее к низкопробным удовольствиям, которое отрицал и подавлял в себе, и смог его признать, тем самым подчинив себе свою тень.

В повести Чаянова в борьбе с мистическим стеклянным двойником герой постепенно обретает свою собственную целостность. Героиня Брюсова так и остается замороженной зеркальным отражением. Даже вернувшись в реальность, она оказывается все еще под властью двойника, фактически своего больного воображения. Сюжет перехода человека в зазеркалье, пути сквозь своеобразное пограничье (по В. Я. Проппу) [Пропп: 170–182], решается у Брюсова как тончайшее описание рефлексии героини, которая страдает психическим заболеванием, тогда как сюжет у Чаянова построен на рассказе об эволюции героя, акцент сделан на развитии его способности понимать свое подсознательное и управлять им.

На основании проведенного тематического, мотивного и текстуального анализа можно считать новеллу В. Я. Брюсова одним из источников повести А. В. Чаянова «Венецианское зеркало...». Дальнейшая разработка темы влияния творчества Брюсова на произведения Чаянова видится перспективной и актуальной для изучения литературного процесса 1920–1930-х гг.

Литература

Брюсов В. Я. В зеркале // Брюсов В. Я. Земная ось. Рассказы и драматические сцены. 3-е издание. Москва: Книгоиздательство «Скорпион», 1911. С. 13–23.

Вулис А. З. Литературные зеркала. Москва: Советский писатель, 1991. 480 с.

Герасимов И. В. Душа человека переходного времени: Случай Александра Чайанова. Казань: АННА, 1997. 192 с.

Михаленко Н. В. Влияние личности и творчества П. П. Муратова на художественные произведения А. В. Чайанова // «Свой» vs «Другой» в культуре эмиграции: Сб. ст. / Ред. А. А. Данилевский, С. Н. Доценко. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2018. С. 56–69.

Муравьев В. Б. Творец московской гофманиады // Чайанов А. В. Московская гофманиада / Послесловие В. Б. Муравьева; примечания В. Б. Муравьева, С. Б. Фроловой. Москва: Издательский Дом ТОНЧУ, 2006. С. 275–302.

Пронн В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Москва: Лабиринт, 2000. 336 с.

Титова Н. Б. Структурные особенности категории двойника (на примере произведений О. Уайльда) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4(2). С. 955–957 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-osobennosti-kategorii-dvoynika-na-primere-proizvedeniy-o-uaylda>.

Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Москва: Политиздат, 1980. 832 с.

Чаянов А. В. Венецианское зеркало, или Диковинные похождения стеклянного человека // Чайанов А. В. Московская гофманиада / Послесловие В. Б. Муравьева; примечания В. Б. Муравьева, С. Б. Фроловой. Москва: Издательский Дом ТОНЧУ, 2006. С. 114–138.

Чаянов А. В. Лёлина книжка // Чайанов А. В. Московская гофманиада / Послесловие В. Б. Муравьева; примечания В. Б. Муравьева, С. Б. Фроловой. Москва: Издательский Дом ТОНЧУ, 2006. С. 9–34.

References

Bryusov V. Ya. V zerkale // Bryusov V. Ya. Zemnaya os'. Rasskazy i dramaticheskie sceny. 3-e izdanie. Moskva: Knigoizdatel'stvo "Skorpion", 1911. S. 13–23.

Vulis A. Literaturnye zerkala. Moskva: Sovetskij pisatel', 1991. 480 s.

Gerasimov I. V. Dusha cheloveka perekhodnogo vremeni: Sluchaj Aleksandra Chayanova. Kazan': ANNA, 1997. 192 s.

Mikhailenko N. V. Vliyanie lichnosti i tvorchestva P. P. Muratova na khudozhestvennyye proizvedeniya A. V. Chayanova // "Svoj" vs "Drugoj" v kul'ture emigracii: Sb. st. / Red. A. A. Danilevskij, S. N. Docenko. Moskva: FLINTA: Nauka, 2018. S. 56–69.

Murav'yov V. B. Tvorecz moskovskoj gofmaniady // Chayanov A. V. Moskovskaya gofmaniada / Posleslovie V. B. Murav'yova; primechaniya V. B. Murav'yova, S. B. Frolovoj. Moskva: Izdatel'skij Dom TONCHU, 2006. S. 275–302.

Propp V. Ya. Istoricheskie korni volshebnoj skazki. Moskva: Labirint, 2000. 336 s.

Titova N. B. Strukturnye osobennosti kategorii dvojnika (na primere proizvedenij O. Uajl'da) // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2010. № 4(2). S. 955–957 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-osobennosti-kategorii-dvoynika-na-primere-proizvedeniy-o-uaylda>.

Frezer D. Zolotaya vetv'. Moskva: Politizdat, 1980. 832 s.

Chayanov A. V. Venecianskoe zerkalo, ili Dikovinnye pokhozheniya steklyannogo cheloveka // Chayanov A. V. Moskovskaya gofmaniada / Posleslovie V. B. Murav'yova; primechaniya V. B. Murav'yova, S. B. Frolovoj. Moskva: Izdatel'skij Dom TONCHU, 2006. S. 114–138.

Chayanov A. V. Lyolina knizhka // Chayanov A. V. Moskovskaya gofmaniada / Posleslovie V. B. Murav'yova; primechaniya V. B. Murav'yova, S. B. Frolovoj. Moskva: Izdatel'skij Dom TONCHU, 2006. S. 9–34.

Сведения об авторе: Наталья Владимировна Михаленко; кандидат филологических наук; Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН; старший научный сотрудник; tinril@list.ru; сфера научных интересов: история русской литературы XX века, творчество С. А. Есенина, В. В. Маяковского, А. В. Чаянова, К. Г. Паустовского, исследование связи литературы и живописи, синтез искусств.

The author's profile: Natalya Vladimirovna Mikhhalenko; Candidate of Philology; A. M. Gorky Institute of World Literature; Senior Researcher; tinril@list.ru; research interests: Russian literature of the 20th century, works of S. A. Yesenin, V. V. Mayakovsky, A. V. Chayanov, K. G. Paustovsky, connexity of painting and literature, synthesis of arts.